

АКТУТКА

или симметрия символов художественного сознания

Символ побеждает сюжет. Переживание утверждается над рассказом. Современное искусство непублицистично. Художнику незачем спешить к зрителю, потому что от имени зрителя он выступает. Суть Природного восстанавливается. Разрушенное конвейером отринуту. Интеллектуальное люмпенство города преобразуется духом творения. *Сильное* общество преобразует *слабый* человек. Напряженность композиции объясняет цель искусства. Сила образа в неотрицании и потому подозрительна. Спираль космоцентризма претворена в индивидуальном сознании. Все прекрасно... Все не так просто.

...Удмуртия - часть Прикамья, на которой располагались прежде четыре уезда Вятской губернии. Зона рискованного земледелия и небогатых суглинистых земель, потеряв значительную часть леса в связи с железоделательным производством, строительством и вывозом леса, в период с XVIII и вплоть до XX в. является военной промышленной зоной, в которой, сохраняется уникальный пласт аутентичной культуры, соединяющей причудливые формы архаического и христианского религиозного сознания, песенного и танцевального фольклора, искусства жилища и вещного мира. Здесь не растрочена вера в языческих богов, не исчезла охранная функция обряда, не прерывается цепочка культуры, идущая от далеких предков. Щемящая в своей открытости вера, как незыблемый стержень жизни, как мудрость в отношениях людей и как не растроченное богатство народа сохраняет достоинство охотника, рыбака, бортника, крестьянина. Символы этнического сознания, сохраняясь в бытовом укладе и у селянина, и у горожанина, приспособлены к меняющемуся общественному порядку, а в многообразии межэтнических отношений, существующих в промышленной среде, позволяют найти ту верную интонацию нравственного развития, которая через умение жить в

компромиссе, уважительное отношение к природе и людям способствует медленному преобразованию ценностей современной цивилизации...

Я вижу непременно два смысла, которые преломляясь друг в друге объясняют трансцендентное в искусстве художников из Удмуртии:

- напряженность громадного лесного ландшафта Западного Предуралья;
- медитативная цель образа в средокрестии символов культуругенеза и искусства.

Две изотеры сознания кодируют пространственное бытие человека. Уральский хребет с одной стороны и Волга с другой образовали лакуну леса и степи, которая в северной части ограничивает пространственные визуальные ориентиры, а в южной протягивает их до горизонта, лишь изредка останавливая взгляд невысокими холмами. Вертикали и ограниченное горизонтальное протяжение с одной стороны и открытое безбрежие неба и земли с другой должны определять характер композиционного построения.

Медитативное состояние - всегда цель образа. У всех художников, при общей цели отражения космогонического видения и непохожести индивидуальных манер, есть общее, что их объединяет: три художественных темы в разной степени претворенных в представленных композициях. *Одна из них медитативность неолита*, который заклинательными действиями рожден образами чердынских и башкирских писаниц, общих Европе и Азии. Здесь же различима древняя урало-юкагирская фонетика, которая до VI - IV тыс. до н.э. формировала пространственное видение и образное звучание дофинно-пермского населения, отраженное в языке и культуре. *Вторая крупная тема* вырастает из иранского животворного сюжетного серебра сассанидов и пластически жизнеутверждающего золота сарматов, а вместе с тем из пермского звериного стиля, рождающегося из контактов с иранской культурой - строгих, холодноватых, бронзовых и железных блях. Где-то в этой теме скрытые потоки гунского движения начала I тыс. н.э. неясными символами захватывают дух и волнуют своей нечеткой, но стремительной степной энергией. Зороастрийская основа

иранского языка, а вместе с ней и общие индоевропейские корни искусства, возможно и предшествующая эпохе индуизма протодравидская эпоха, в которой отсутствует пантеон и развитые образы богов, с удивительным постоянством рождают все новые и новые образы, поражая воображение тем, что духовные контакты, казалось бы совершенно невидимые глазу, как тугие натянутые струны удмуртского музыкального инструмента *крэзь*, рождают по воле невидимого Творца божественную *музыку* изображения. *И третья тема*, несвязанная с конкретным историческим событием или этносом - искусство текстиля, как факт свершения цивилизации во II тыс н.э., как текстильное *зеркало* мира, прорывается из недр художественного сознания, через краску и холст, через войлок и кожу, через графику и приемы скульптурного декора.

Пространство земли, где рождается сегодня новое искусство приняло некогда в свое лоно две фратрии финно-пермского мира - удмуртские племена Ватка и Калмез, вобравшие в себя культурные штрихи вятского русского мира, а также общие черты образной системы, которые формировались в тесном контакте с болгарским и башкирским миром. Аутентичный пласт народного искусства сравнительно поздно был преобразован христианским сознанием и до настоящего времени диалогичность языческого и христианского как своеобразная перекличка разных эпох поднимает на поверхность то пласт языческого и протоязыческого мира, то всеобъемлющее христианское сознание. Такова природа кажущегося, непознанного, явленного, оформленного и сущностного, утверждающего онтологическое бытие искусства через акт свершения, через *nonkonformism*, самопорождающийся через отрицание официального искусства и утверждающий это отрицание не актом нигилизма, но духовной ценностью, становящейся нормой жизни и преобразующей традицию художественного сегодня. Может быть поэтому главной трансцендентной составляющей искусства художников Удмуртии является удивительная способность каждого из них не отрицая реалистического искусства, отдав полжизни на его изучение и воспроизведение быть равными ему и в равности нашедшими абсолютное,

неподражание ритма - не раб ритма, но сам ритм. Поиск образного пространственного резонанса независимо от пластического изобразительного языка, выводит переживание художника на уровень, когда ритмообразующее начало становится стилем. Новым стилем...